

Е Вэньбо глядел ему в спину и качал головой. Теперь, когда ему напомнили, он почувствовал вину, но надолго ли её хватит? Разве дедушка и бабушка Сяоцзе все эти годы не нашептывали Госиню об этом? Да и мимолетное чувство вины не сравнится с тем, как другая мать и сын годами мелькают перед глазами — внимание так легко переключается.

Однако даже временного угрызения совести хватит, чтобы Госинь перестал думать о деньгах, которые старик Ван выручил для Сяоцзе.

Даже подросток, хоть и гордый, легко поддается общей атмосфере. Ван Шицзюнь, видя, что на него никто не обращает внимания, с трудом набрался смелости, позвал старшего брата и попросил у него одну бенгальскую свечу. После этого ему стало проще обращаться к людям, и он начал прыгать и кричать вместе с деревенскими детьми, которых раньше презирал, играя так, что забыл обо всем на свете. Даже старший брат теперь казался ему не таким уж противным.

Когда все фейерверки закончились, во дворе стало темно. Деревенские дети не хотели уходить, и один из них спросил Е Цзы, будут ли они снова пускать фейерверки в следующую новогоднюю ночь.

Ван Шуцзе рассмеялся, а Е Цзы погладил ребенка по голове. Этим мальчиком был внук старого старосты Линь, сын Линь Хаймина и Бао Лили:

— В следующем году будет. Сяо Гуан, помни, приходи пораньше, брат оставит для тебя.

— Ой! — обрадовался ребенок. — В следующем году я приду первым и буду играть больше всех.

Ван Шицзюнь хотел было презрительно фыркнуть, но вспомнив, что фейерверки принадлежали этому брату Е Цзы, пришлось проглотить слова. В душе ему было не по себе, и он не хотел признаваться, что слишком весело провел время, — вдруг мама будет ругать?

Взрослые и дети стали расходиться, и кто-то снаружи крикнул:

— Идет снег!

Е Цзы поднял голову и увидел, что с неба действительно падают снежинки. Он поспешил отвести Сяо Гуана, который никак не хотел уходить, к его маме. Бао Лили была женщина простая, своего сына в доме Е она оставляла совершенно спокойно.

Остался только младший брат Ван Шуцзе, Ван Шицзюнь, который глупо стоял во дворе один, даже не подумав зайти в дом, чтобы укрыться от ветра и снега. Во время игр между братьями не было неловкости, но теперь, когда людей поубавилось, расстояние снова дало о себе знать. Заметив, как мальчику неловко, Е Цзы сказал:

— Шуцзе, отведи Сяоцзюня домой. Если захочешь — приходи обратно.

— Ладно, я только до двери, потом сразу вернусь. Пошли, я провожу тебя, — Ван Шуцзе помахал рукой, подзывая брата.

Е Цзы проводил дедушку в дом, сам взял большую метлу и начал подметать двор. Разноцветные обрывки бумаги, намкнув от снега, убирать будет трудно, лучше сделать это сразу, пока снег только идет. Не успел он сделать и нескольких взмахов, как Ван Шуцзе уже вернулся, схватил метлу и стал помогать.

Е Цзы посмотрел на него:

— Ты его проводил, а сам домой даже не зашел?

— Не зашел, — беззаботно ответил Ван Шуцзе. — А все равно дедушка с бабушкой знают, мне с ними в одном доме неудобно.

Е Цзы посмотрел на него, но ничего не сказал. Вдвоем они быстро убрали двор, снежок начал падать гуще, и они поспешили в дом, переживая, что если он не перестанет, то завтра поездка в уезд будет неудобной.

Закрыв дверь, старик и двое молодых людей уселись вокруг жаровни, щелкали арахис и семечки, смотрели новогодний концерт. Цюцю занял колени Е Цзы, а Сяо Лан лежал сбоку, изредка виляя хвостом. Атмосфера была отличной.

А вот атмосфера в доме Ванов была натянутой. Ван Госинь хотел поговорить со старшим сыном по душам, но вернулся домой только младший. Он спросил:

— Где твой старший брат?

— Брат проводил меня до двери, а потом развернулся и снова пошел к Е, — странно ответил Ван Шицзюнь.

Ло Фэнцзюань, увидев, что на новой одежде сына полно следов от фейерверков, принялась отряхивать его и отчитывать:

— Смотри, как ты разорвался! Не боишься, что искра прожжет дырку в новой одежде? Быстро снимай, дай я гляну. Дома мы тоже фейерверки купили, хочешь — дома и смотри. Да и в столице провинции на Праздник фонарей будет специальный фейерверк, я тебя тогда отведу, насмотришься вдоволь. Больше так не делай, слышишь.

Раньше Ван Госинь на это не обращал внимания, но сейчас это его разозлило. Он видел, как младший сын весело играл с другими деревенскими детьми:

— Чего ты его останавливаешь? Какой мальчишка не любит играть? Пусть Сяоцзюнь и городской, но корни-то у него в деревне Таоюань. Пусть на каникулы сюда приезжает, а то потом и про корни-то забудет.

Ло Фэнцзюань опешила. Это был первый раз, когда муж перечил ей в воспитании сына.

Она, как и Ван Госинь, была из деревни и в свое время натерпелась от пренебрежения горожан. Поэтому, когда родила сына, твердо решила воспитать из него воспитанного городского жителя.

— А как же его дополнительные занятия? — машинально возразила она. Она не только строго следила за учебой, но и записала сына на фортепиано и каллиграфию — он не должен отставать от городских детей, а даже превосходить их.

— Его брат и я никаких курсов не ходили, и живем нормально. Это я решил! — одним махом Ван Госинь оборвал её возражения, даже не взглянув на её лицо, и направился в комнату к родителям.

Ло Фэнцзюань схватила сына за руку, не давая уйти:

— Расскажи маме. С кем твой папа у соседей разговаривал? О чем они говорили? Первым делом она заподозрила, что кто-то нашептал Госиню, отчего его отношение так резко изменилось. Раньше он всегда гордился, что их сын не хуже городских, тут должна быть причина.

Ван Шицзюнь, услышав от папы, что можно не ходить на курсы, чуть не подпрыгнул от радости, но на мамин вопрос ответил осторожно:

— Я играл с братом, папу не видел. Почему он раньше вернулся, меня не дождался? Все-таки брат меня проводил, но всю дорогу молчал, мне было так тоскливо.

— Только и умеешь, что орать! Чему ты научишься с этими деревенскими детьми? Или ты хочешь стать таким же безнадежным, как они и твой старший брат? — в гневе Ло Фэнцзюань забылась, и как раз в это время вернувшийся за стаканом воды Ван Госинь услышал это. Лицо его мгновенно помрачнело.

Дверь открылась, Ло Фэнцзюань подняла голову и увидела мрачное лицо мужа. Плохо дело, она в панике попыталась объяснить:

— Муж, я не это имела в виду...

— А что ты имела в виду? Я и не думал, что ты так презираешь Сяоцзе. Как бы там ни было, это мой сын! — Ван Госинь заревел и, развернувшись, большими шагами вышел. Ему было не до объяснений жены. Жена, которая всегда так заботилась о старшем сыне, оказывается, считает его безнадежным? И ссорит братьев? Неужели и младший сын, когда вырастет, будет презирать брата, как мать?

Старики, уже рано ушедшие к себе, не могли не слышать шуму. Молодые всегда жили душа в душу, почему же в новогоднюю ночь начали ссориться?

— Старик, да что такое с Госинем и невесткой? — вздохнула бабушка Ван. — Только вернулись, а Сяоцзе дома и быть не хочет, сразу к Е ушел. О сыне сказать ничего нельзя, а вот невестку она винила: кабы не она плохая мачеха, внучку бы и в чужой дом в новогоднюю ночь бежать не пришлось, праздник бы порушил.

Дедушка Ван не хотел вмешиваться:

— Хватит дурь голову забивать, муж с женой поссорятся — это нормально. Ты же сама сказала, Сяоцзе к Е пошел, не куда-нибудь. Не волнуйся. Дед был человек спокойный. — Иди спать, завтра дочь с зятем приедут, работы хватит.

Дочь хоть и замужем, но сын вдали работает, так что за родителями больше дочь и смотрит.

Ван Шуцзе ничего не знал о домашней сцене, он беззаботно хохотал над телевизором, закидывая в рот семечки. В перерывах он принял много звонков от одноклассников: Линь Фэй и других, кого он оповестил, как только телефон установили. Звонили и те, кто узнавал номер от Линь Фэя, с поздравлениями.

Позвонил и Мэн Цюнь. Он тоже был приезжим в городе G, в этом году не поехал домой, остался с друзьями встречать Новый год. Благодаря продажам Е Цзы его положение немного улучшилось, и он стал относиться к Е Цзы как к другу-ровеснику.

Е Цзы с дедушкой не привыкли бодрствовать до утра. Раньше Е Цзы был мал и засыпал, сейчас

дедушка стар и не выдерживает, поэтому, когда время подошло, Е Цзы уговорил дедушку ложиться спать — концерт все равно в праздники будут повторять.

<http://bllate.org/book/16666/1528549>